

ОГАРЕВ — В. И. БАКСТУ И ДРУГИМ ОРГАНИЗАТОРАМ ГЕЙДЕЛЬБЕРГСКОЙ ЧИТАЛЬНИ

Публикация Я. З. Черняка*

16 сентября 1862 г. министр внутренних дел Валуев препроводил шефу жандармов кн. Долгорукову два литографированных письма Огарева. Экземпляры этих писем были присланы из Гейдельберга почтою в Пензу инспектору врачебной управы Холмскому. Холмский представил пакет по начальству — вице-губернатору, заявив при этом, что никаких знакомых ни в Гейдельберге, ни в каком другом городе за границей у него нет. Справившись у почтмейстера, много ли таких пакетов прошло через пензенскую почту, и получив успокоительный ответ («подобных писем никому присылаемо не было»), вице-губернатор отправил письма в Петербург.

Рассмотренные сперва Валуевым, затем управляющим III Отделением Потаповым, письма были пересланы в Следственную комиссию 1862 г., учрежденную в Петербурге под председательством кн. Голицына. Комиссия, возвращая Потапову присланное, сообщила 22 сентября 1862 г., что она «находит необходимым, по возмутительности их <писем> содержания, принять строгие меры к недопущению распространения сих листов». III Отделение, исполняя решение Следственной комиссии, отправило почтовому департаменту соответствующее предписание и одновременно обратилось к министру внутренних дел с просьбой предпринять, со своей стороны, «зависящие меры». «Возмутительные листки» снова совершили путешествие от Потапова к Валуеву и обратно. Возвращая 2 октября III Отделению литографии, на этот раз окончательно, Валуев уведомил шефа жандармов, что министерство разослало всем начальникам губерний специальное циркулярное письмо с указанием на особую необходимость препятствовать распространению писем Огарева.

Тем и завершились «строгие» и «зависящие» меры, предпринятые ведомством политической полиции. Экземпляры литографий, оказавшиеся в распоряжении властей, были подшиты к небольшому делу, заключающему изложенную выше переписку (ЦГИАМ, ф. 109, III Отд., 1-й эксп., 1862 г., № 230: «О революционном духе народа в России и о распространении по сему случаю возмутительных воззваний». Часть 41. О возмутительном письме, присланном из Гейдельберга на имя инспектора врачебной управы Холмского». Начато 18 сентября 1862 г. На 9 листах). Итак, ни III Отделение, ни Следственная комиссия 1862 г. не только не установили кем, когда, с какой целью и в каком количестве были литографированы письма, но и не предприняли в этих целях сколько-нибудь серьезного расследования. Самое удивительное, что Следственная комиссия даже не связала факта посылки писем из Гейдельберга с известной уже ей политической деятельностью русской студенческой колонии в этом городе (см. об этой деятельности очерк Б. П. Козьмина в «Лит. наследстве», т. 41-42, 1941, стр. 4—8).

А между тем, именно русские студенты в Гейдельберге, группировавшиеся вокруг созданной ими читальни, — своеобразного политического клуба, — имели ближайшее отношение к литографированию писем Огарева. Для III Отделения это обстоятельство в некоторой степени выяснилось только четыре года спустя, т. е. после каракозовского выстрела, в связи с арестами многих лиц, произведенными в мае и июне 1866 г. по требованию Следственной комиссии под председательством М. Н. Муравьева. Эти лица обвинялись в создании в Гейдельберге, под видом русской читальни, конспиративной организации, участвовавшей в противоправительственной пропаганде и связанной с Герценом и Огаревым. Цепь арестов началась с А. Л. Линева, портрет и адрес

* Смерть помешала автору довести до конца помещаемую здесь работу. В распоряжении редакции «Литературного наследства» оказался лишь *предварительный* вариант публикации. Принимая во внимание существенный интерес приводимых в работе документальных материалов, мы печатаем ее, устранив в некоторых местах разорванность изложения и добавив отдельные звенья аргументации. Публикуемые два письма Огарева были найдены в 1941 г. И. В. Дистлер. — *Ред.*

которого оказались в бумагах каракозовца Худякова. В свою очередь, в бумагах Линева нашлись письма за 1862—1864 гг. его товарища, кандидата Петербургского университета С. Т. Константинова, а при аресте Константинова были найдены весьма резкие в политическом отношении письма того же Линева. В 1862 г. Константинов находился в Лейпциге; помимо Линева, он состоял в переписке с эмигрантом П. С. Мошкаловым, автором известной прокламации «Русское правительство под покровительством Шедо-Феротти». С другой стороны, у Линева, кроме писем Константинова, нашлись письма Н. И. Бакста, Я. В. Сабурова и др. Постепенно круг учредителей и членов гейдельбергской «читальни» становился ясен следствию. Были арестованы или вызваны в Следственную комиссию бывшие «гейдельбержцы» — А. Л. Ливев, Вл. Нагель, Н. Л. Владимиров, Н. В. Альбертини, А. Ф. Стюарт, Г. С. Веселитский, С. Т. Константинов и др. При подробных перекрестных допросах, очных ставках и осмотрах бумаг арестованных Следственная комиссия установила ближайшую прикосновенность к делу В. И. Бакста и В. Ф. Лугинина, еще находившихся во время следствия за границей. Очень скоро возник перед следствием вопрос о литографированных письмах Огарева, присланных Линевым Константинову в Лейпциг осенью 1862 г. с предложением принять участие в рассылке их по России. Выяснилось, что одновременно проектировался, а может быть и рассылался, какой-то «адрес» или даже два «адреса» Александру II. Весьма удивительно, что, ведя допросы около двадцати лиц и каждого спрашивая о письмах Огарева и таинственном «революционном адресе», всеми средствами стараясь, по противоречивым показаниям, установить содержание этих документов, — ни следователи Комиссии, ни жандармские чиновники III Отделения, прикосновенные к ведению этого дела, повидимому, не знали, что в их руках находится существенная часть этих «криминальных» бумаг — самые письма Огарева. Во всяком случае, можно считать установленным, что Комиссия в течение всего периода следствия не предъявила никому из арестованных ни одного документа, за печатание и распространение которых они и привлекались к ответственности.

Огромное, на пятистах с лишним листах, дело Следственной комиссии* и еще более обширное дело III Отделения** и дела Министерства внутренних дел, Министерства юстиции и II Отделения, относящиеся к вопросу о гейдельбергских пропагандистах 1862—1863 гг., не раз привлекались историками революционного движения шестидесятых годов (С. Сватиков, М. Лемке, Б. Козьмин и др.). Однако никем еще эти архивные источники не обследовались в связи с пропагандистским и революционным планом Огарева, изложенным в его рукописи 1862 г. «Заграничные общества» («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 502—514) и в публикуемых ниже двух литографированных письмах-инструкциях, обращенных, как это явствует из приводимых ниже документов, к «голове» гейдельбергской читальни — Владимиру Игнатьевичу Баксту (1835—1874) и его товарищам. Письма были литографированы в конце августа — начале сентября 1862 г. Линевым в Мангейме (по его показаниям, в количестве 70—80 экземпляров). Они различными путями распространялись как самим Линевым, так и его корреспондентами за границей и в России.

Одновременно, в связи с письмами Огарева, по показаниям того же Линева, распространялся и «адрес», будто бы с требованием конституции. Автором «адреса» Ливев упорно называет Герцена, хотя, как увидим, он был написан Огаревым. Неясно, в каком количестве экземпляров был литографирован этот

* ЦГИАМ, ф. № 95, оп. 1, д. № 311. «Производство высочайше учрежденной под председательством генерала от инфантерии гр. М. Н. Муравьева Следственной комиссии о лицах, участвовавших в деятельности русской читальни, устроенной в Гейдельберге. Александр Ливев, Тимофей Константинов, Николай Владимиров, Владимир Бакст, Владимир Лугинин, Гаврило Веселитский, Николай Альбертини, барон Александр Стюарт, Владимир Нагель, Николай Неклюдов, Николай Дубровин, Павел Капнист и Петр Новидкий». Начато 17 мая 1866 г. Кончено 10 апреля 1868 г. На 511 листах.

** ЦГИАМ, ф. 109, III Отд., 1-й эксп., 1866 г., № 222: «О лицах, бывших основателями или членами устроенной в Гейдельберге русской читальни, цель которой состояла в распространении революционной пропаганды». Начато 20 мая 1866 г. На 557 листах.

«адрес» и не рассылался ли он также в виде рукописных копий. Ниже мы еще вернемся к этому вопросу, сейчас же обратимся к рассмотрению *плана Огарева*.

В феврале 1862 г. на чрезвычайном собрании тверского дворянства было принято постановление, в котором отмечалась неудовлетворительность реформы 19 февраля и выдвигалось требование обязательного наделения крестьян землей, отмены дворянских преимуществ и прав и созыва «собрания выборных всей земли русской» — для предотвращения положения, грозящего «гибелью государству». Все эти требования были изложены в виде «всеподданнейшего адреса» и отправлены между 2 и 5 февраля 1862 г. почтой в Петербург, в Зимний дворец. Подписанный 113 дворянами (в их числе девятью уездными предводителями дворянства, а также исполняющим должность губернского предводителя), «адрес» быстро распространился в списках и произвел в различных кругах русского общества весьма сильное впечатление. Подобные «адресы» проектировались и в других губерниях. Вдохновителями «адреса» были А. М. Унковский и группа его сподвижников, выступавших в течение всего периода подготовки и осуществления реформы с гораздо более радикальными предложениями, чем те, которые исходили от правительства. Требуя более последовательного — в буржуазно-демократическом смысле — решения крестьянского вопроса, тверское дворянство стремилось тем самым предотвратить опасное нарастание революционных настроений в народе, обманутом реформой 19 февраля. Программа тверского дворянства нашла живой отклик среди либералов всех мастей и оттенков, в том числе среди студенческой молодежи. Большой интерес к тверскому «адресу» был проявлен и некоторыми гейдельбергцами — участниками читальни. Среди них в первую очередь следует назвать В. Ф. Лугинина, который принял непосредственное участие в борьбе, завязавшейся вокруг тверского «адреса». Лугинин выехал за границу в 1862 г., после студенческих волнений, и оставался там до 1867 г. Вот как характеризовало деятельность и политические связи Лугинина за границей III Отделение, в специальной справке, составленной 2 июля 1863 г., т. е. через год после его выезда из России:

«Отставной лейб-гвардии конной артиллерии поручик В. Ф. Лугинин выехал из С.-Петербурга за границу в марте 1862 года и поселился тогда же в Гейдельберге, где стал серьезно заниматься химией и металлургиею. Он ездил на Лондонскую выставку и очень коротко сошелся там с Герценом, Огаревым и Бакуниным, с которыми по возвращении в Гейдельберг постоянно переписывался, помогая им в составлении статей, враждебных нашему правительству, что усматривается в особенности из письма к нему Огарева от 30 октября 1862 г., с коего получена частным образом копия. Из письма к нему Бакунина, таким же образом полученного в копии*, видно, что Лугинину было поручено переслать в ноябре 1862 г. письмом и посылку Фридлендеру в Бреславль, находившемуся в сношениях с польскими революционерами. В этом же письме Бакунин спрашивал Лугинина, скоро ли он дождет его большого письма.

Лугинин был членом образовавшегося в Гейдельберге закрытого клуба, называвшегося читальнею, в котором председательствовал русский врач Бакст. Там имелись все произведения русской нецензурной литературы, произносились демагогические и коммунистические речи и т. п. Прошедшею осенью в читальне возникли несогласия по поводу приема в члены Н. Неклюдова, который вместе с Лугининым и учителем Модзалевским требовали преобразования закрытого клуба в читальню общественную, открытую всем русским за месячный взнос одного гульдена. Пошли споры, и противники этого требования были побеждены».

Следует отметить, что донесения агента, на основании которых включено в «справку» это важное место, были поверхностны и не вскрывали содержания и глубины разногласий, возникших среди членов читальни осенью 1862 г. Из приведенных ниже показаний Г. С. Веселитского и А. Ф. Стурта, рассказывающих, как и почему возник конфликт, можно сделать вывод, что требование превратить закрытую читальню в открытый для всех клуб означало на деле требование о ликвидации революционной

* Все эти «частным образом» полученные копии — организованная при сотрудничестве парижской полиции с иностранными агентами III Отделения систематическая перлюстрация писем русских эмигрантов, студентов, путешественников (см. ЦГИАМ, ф. 95, делопроизводство Следственной комиссии 1862 г., № 63).

деятельности группы, предъявленное «умеренными» к «красным». Как мы увидим, публикуемые письма Огарева имеют непосредственную связь с этим расколом в гейдельбергской читальне.

«Лугинин, — читаем дальше в «справке», — много занимался науками в Гейдельберге, а в конце февраля <1863 г.>, повидимому с той же целью, отправился вновь в Лондон, где почти ежедневно навещал Герцена, который, равно как и Огарев, были очень любезны с Лугининым и часто с ним шептались при посторонних; Лугинин рассказывал, между прочим, в Лондоне, каким образом он с студентом Владимировым выручали прошлым летом из сумасшедшего дома близ Стутгарта девицу Жерве, засаженную туда по проisku и желанию гр. Д. Н. Блудова. Во время пребывания Лугинина в Лондоне Герцен переписывался с Гейдельбергом через Лугинина» (ЦГИАМ, ф. 109, III Отд., 1-я экзп., 1865 г., № 180: «Об отставном гвардии конной артиллерии поручике Лугинине». Начато 31 мая 1865 г. Кончено 1 августа 1869 г. На 22 листах. Лл. 2—3).

Заграничные агенты оказались плохо осведомленными о Лугинине. Им осталось неизвестным, что, по поручению Герцена и Огарева, Лугинин на обратном пути из Лондона, в сентябре 1862 г., вел в Париже переговоры с И. С. Тургеневым относительно «адреса» Александру II с требованием Земского собора (XV, 480). Агентура не уловила связи с этим проектируемым «адресом» всей переписки с Лугининым — Огарева, Бакунина и других лиц. Те самые «часть получены» копии с писем, о которых говорится в «справке», относились прежде всего именно к проекту «адреса», идея подачи которого принадлежала Лугинину. Агентуре оставалось неизвестным и то, что один из проектов «адреса», написанный Огаревым, был отпечатан литографским способом, как и письма Огарева, в Мангейме.

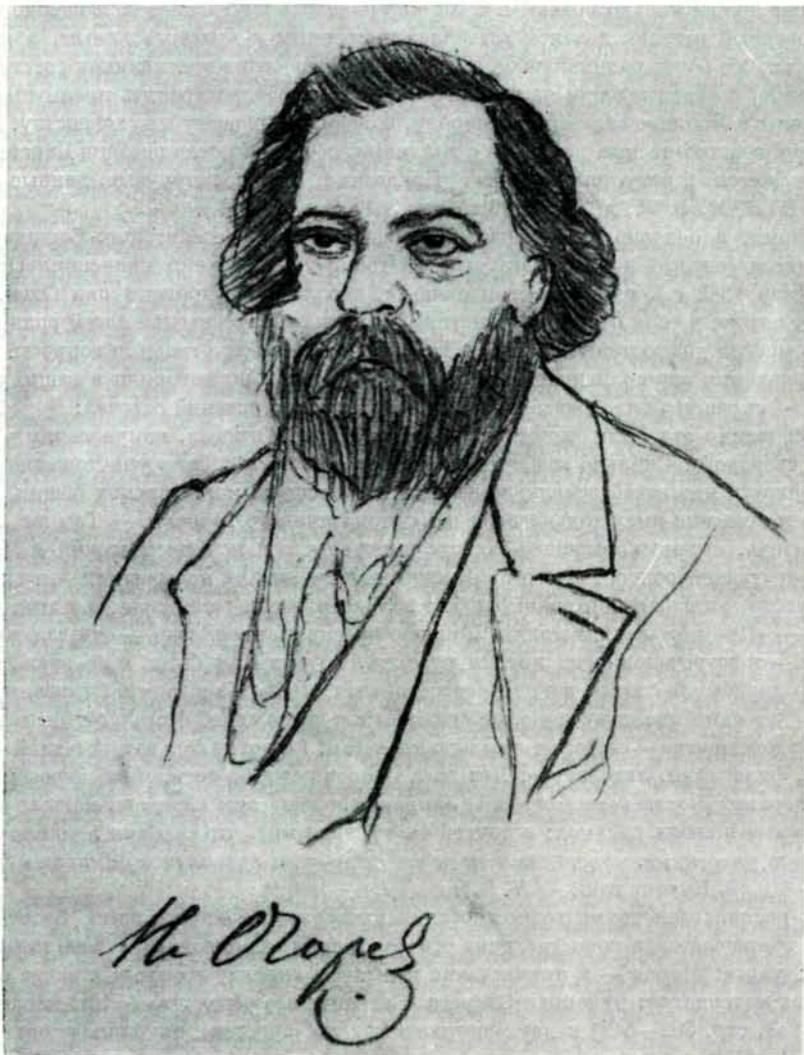
Предоставим место выдержкам из показаний Г. С. Веселитского-Божидаровича, одного из арестованных в 1866 г. членов гейдельбергской читальни, примыкавшего к группе «дворян» (впоследствии стал реакционным публицистом, сотрудником «Московских ведомостей» и «Нового времени»).

«...На всю молодежь за границей, — показывал Следственной комиссии Веселитский, — было произведено большое впечатление адресом тверского дворянства. Были слухи, что за ним последуют адреса дворянства других губерний *. Лугинин привез из России текст тверского адреса, отпечатал его во многих экземплярах и деятельно распространял эту мысль между членами читальни и другими русскими. Вскоре составились два мнения. Одно было за адрес совершенно в духе тверского; другое считало такой адрес противоречащим своим убеждениям и требовало другого, в духе социализма. За первый были все члены читальни из дворян-помещиков (исключая Стурта), т. е. Лугинин, Чаплыгин, Молоствов, Случевский и я; за второй — Бакст, Нагель и Стурт. Споры в читальне происходили почти исключительно между Бакстом и Лугининым, а остальные только выражали свое согласие и неодобрение. Случевский и Молоствов часто переходили со стороны на сторону. Когда мнение Бакста, казалось, должно было восторжествовать, то Чаплыгин и я объявили, что в таком случае выходим из читальни и вообще расходимся с остальными; не помню, объявил ли то же Лугинин, но думаю, что в то время он сделал бы то же самое. Бакст писал в Лондон и просил, чтобы его поддержали. Тогда Огарев прислал одно за другим два письма, которые были потом литографированы. В них он убеждал всех оставить «дворянский» адрес и пристать к «народному»; он высказывал даже мнение, что всякие адреса излишни, а нужны воззвания к народу.

В это время (кажется, в конце мая) я оставил Гейдельберг и вместе с моей матушкой и одним знакомым американским семейством (Dewolf Smith) поехал в Париж; после мы предполагали посетить лондонскую всемирную выставку. Бакст просил меня во время моего пребывания в Лондоне быть у тамошних русских выходцев и говорить с ними об адресе; с своей стороны он хотел писать к ним обо мне. Как мне казалось после, когда я уже с ним разошелся, он хотел, чтобы Герцен и другие чрезвычайно любезным приемом завлекли бы меня на их сторону, а через меня и других „дворян“.

* Далее зачеркнуто: В Гейдельберге тоже захотели подавать такой адрес.

Уехавши из России едва 18-ти лет* и увлеченный либеральными идеями за границей, я с радостью взялся за случай видеть представителей русского либерализма, которые были тогда в глазах всей молодежи великими людьми. Я видел в Лондоне Герцена, Огарева, Бакунина и Кельсиева и узнал их очень хорошо, даже, может быть,

ОГАРЕВ

Портрет, отобранный при обыске у студента А. Ф. Ергина в июне 1862 г.
Центральный исторический архив, Москва

лучше, нежели они думали или желали. Говоря об адресе, я высказал им, что никогда не подпишу их адреса и буду стараться отговаривать своих знакомых. Наконец они согласились, как мне и тогда казалось, с тем, чтобы соединить этим адресом все мнения и потом предлагать дальнейшее. [Так после и оказалось]**. Огарев написал

* Восемнадцать лет Веселитскому было в 1859 г. (р. в 1841 г.).

** Эти слова взяты в квадратные скобки в тексте показаний (ЦГИАМ, ф 95, д. № 311, 1866 г., л. 33).

адрес, который был потом прислан в Гейдельберг и литографирован*. В этом адресе, так же как и в адресе тверского дворянства, заключалась просьба о созвании Земского собора из всех сословий. Адрес этот понравился умеренным, которые боялись, однако, давать свои подписи, подозревая, что адрес могут подменить и их подписи появятся под адресом другого содержания. С другой стороны, крайние считали его недостаточным, даже положительно вредным. С тех пор началось внутреннее разложение читальни; умеренный оттенок делался все более умеренным и консервативным, а красный становился все более радикальным. Наконец, прозвав своих противников „отсталыми“, „переводные“ поставили адрес на второй план и стали распространять преимущественно сочиняемые в Лондоне воззвания к народу, войску, дворянству и духовенству. В то же время они вошли в тесные сношения с поляками, особенно после поездки Бакста в Лондон — кажется, в августе 1862 г.» (Показания, собственноручные, данные 8 июля 1866 г. ЦГИАМ, ф. 95, д. 311, 1866 г., лл. 301 об.— 303 об.).

Таковы, в основном правдивые, показания Г. С. Веселитского-Божидаровича, касающиеся «адреса» и писем Огарева. Он точно указал время написания Огаревым писем (май 1862 г.), он правильно отметил, что литографированы они были, как и «адрес», позже, и если отступал от истины, то лишь в определении своей роли и позиции. Комиссия два дня спустя задала Веселитскому дополнительные вопросы. «Какие были основания адреса „в духе социализма“, о котором вы говорили в ваших показаниях?» — спрашивал следователь. На этот вопрос Веселитский отвечал:

«Основания эти были выражены в двух письмах Огарева, направленных против адреса тверского. Сколько я помню, главной чертой его** было уничтожение личной собственности передачей земель помещиков во владение крестьянских общин, в которых бы и помещик имел только свой пай» (показания от 10 июля. — Там же, л. 308). Следователь, стремясь выяснить, с кем именно встречался Веселитский в Лондоне, задал следующий вопрос: «Кого из русских видели вы при посещениях ваших в Лондоне русских эмигрантов и какой вообще характер имели разговоры при этих посещениях?» — «При посещениях моих в Лондоне русских эмигрантов,— отвечал допрашиваемый,— я встречал иногда других русских, но кто они были, я не знаю, так как меня не знакомили с ними, и я сам интересовался только Герценом и Огаревым. Знаю, однако, что там бывали русские, не сказывавшие даже своей фамилии и бывшие только проездом, другие — известные только хозяевам. Разговор был самый общий — о политике, философии, литературе. Два раза Огарев говорил со мной об адресе; первый раз он порицал дворянское и умеренное направление тверского адреса и защищал мнения, выраженные в своих письмах; в другой он объявил мне, что согласен написать адрес, как хотят умеренные, но что сам ему не сочувствует и пользы не предвидит» (там же, л. 310—310 об. Курсив наш. — Я. Ч.).

Мы располагаем двумя возможностями проверки сказанного здесь Веселитским. Первая заключается в сопоставлении его сообщения с приводимым ниже показанием А. Ф. Стюарта; вторая — в привлечении к нашему анализу некоторых ранее опубликованных материалов: рукописи Огарева «Заграничные общества» («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 502—511) и двух составленных им «адресов», опубликованных Лемке (XV, 481—500).

При допросе А. Ф. Стюарта, принадлежавшего к «народным», или «красным», как их называет Веселитский, были предложены аналогичные вопросы. Стюарт также познакомился с Герценом и Огаревым при посещении Лондонской всемирной выставки весной 1862 г. «В бытность мою в Лондоне,— показывал Стюарт на допросе 26 июля 1866 г.,— при моих ежедневных осмотрах всемирной выставки я встретил в числе других посетителей в художественном отделении русско́й выставки один и<ли> два раза одного уже почтенного старичка русского, который заговорил со мною...».

Из дальнейшего рассказа Стюарта выясняется, что его новый знакомый — не кто иной, как М. Хотинский. С невозмутимым видом, точно ему неизвестно, что Хотин-

* Эта фраза была написана первоначально в таком виде: «...адрес, который был потом литографирован и прислан в Гейдельберг». Затем была сделана перестановка порядка слов (там же, л. 303).

** Предложенного Огаревым проекта адреса «в духе социализма».— *Ред.*

ский давным-давно разоблачен Герценом в качестве шпиона III Отделения*, Стюарт рассказывает подробности о своих встречах и разговорах с «астрономом-наблюдателем». «Между разговора <!> он спросил меня,— пишет Стюарт,— был ли я у „наших лондонских старичков“, как он выражался, и на мой отрицательный ответ он предложил занести мою карточку вместе с своею к ним, так как, по его удостоверению, стоило только занести им предварительную карточку свою утром, чтобы быть принятым в субботу вечером, когда они принимают всех. При этом он прибавил, что стоит у них побывать, ибо они очень любезны, и интересно видеть их хоть раз». «На другой день, в субботу, я был с ним у г. Герцена и Огарева и с ним также в другую субботу. Где теперь Хотинский, мне неизвестно» (цит. дело, лл. 359 и сл.).

Наибольший интерес в показаниях Стюарта «о знакомстве с эмигрантами» представляют страницы о «субботних** приемах» в доме Герцена, которые мы и приведем:

«Посетителей в оба раза было много, но так как никого друг другу не представляли, то я и не знал, кто были эти лица. Кроме русских, были там и иностранцы. Один немец, которого звали, кажется, Штраух и про которого сказывали мне, что он был начальником отряда во время революции в Ю(жной) Германии в 1848 г. Герцен в первую субботу обращался ко мне дважды. Раз как-то мимоходом он спросил меня о моей фамилии, сослал что-то касательно моего происхождения от бывшей английской королевской фамилии. Другой раз он спросил меня, чем я занимаюсь, и узнав, что зоологиею, подвел меня к своему сыну, разговаривавшему с каким-то господином с большой бородою, и познакомил меня с ним. Тогда недавно только вышел первый том „Популярной зоологии“ Герцена-сына, который я за два дня перед тем увидел в окне магазина, купил и читал. Так как в ней трактовалось о низших животных, мне более знакомых, то разговор скоро перешел на предметы зоологические, и он рассказывал мне много о своем путешествии в Исландию и т. п. предметах. В таких разговорах мы провели весь вечер. Посетителей было много, вследствие того образовались отдельные кружки, и общего разговора не было. Изредка лишь все прислушивалось, когда г. Искандер с свойственным ему остроумием рассказывал о каком-нибудь происшествии. Часам к 11 попросили к закуске, которая продолжалась недолго; в это время говорили о недостатках расположения р(усского) отдела выставки, ибо р(усские) продукты были действительно дурно расположены. После закуски я вскоре удалился. На этом вечере поразила меня огромная фигура одного господина, и мне сказали, что это был Бакунин; в продолжение вечера его г. Герцен называл, и помнится, что в отношении других не делал <этого>».

Во вторую субботу посетителей было меньше. Общего разговора было больше. Говорил преимущественно г. Огарев. Предметом разговора был ход крестьянского вопроса. Г-н Огарев доказывал, что кр(стьянское) дело идет очень худо, в доказательство чего читал или сообщал словесно отрывки из разных полученных им писем из России, кот(орыми) подтверждал свое мнение; доказывал, что нужен скорый обязательный выкуп или же и на нынешний раз дело кончится пугачевщиною. Кроме того, он доказывал различными финансовыми расчетами, что так как крестьяне твердо стоят за свое право на землю и не станут работать на помещиков, то без введения обязательного выкупа Россия прямо идет на банкрот(ство). При этом он говорил, что хотя он и не сочувствует мыслям твердого дворянства, но так как крестьяне от своего права никогда не отступятся, то они, со своей стороны, станут требовать свое, и потому, если дворянства других губерний последуют примеру тверского и будут требовать

* Заметка Герцена «Астроном-наблюдатель и миссионер Хотинский» напечатана в «Колоколе» (л. 161 от 15 апреля 1863 г.—XVI, 214—215). Стюарт, без сомнения, читал не только эту заметку, но и статью Герцена «Действительный статский советник и кавалер М. С. Хотинский», напечатанную в «Колоколе» (л. 215 от 15 марта 1866 г.) за три месяца до ареста Стюарта (XVIII, 342—350). В этой статье Герцен писал о смерти Хотинского в начале 1866 г. Стюарт воспользовался возможностью, которая ему представлялась, и приписал Хотинскому инициативу своего знакомства с Герценом и Огаревым.

** Видимому, Стюарт ошибся: в 1862 г. «приемы» устраивались по воскресеньям.

обязательного выкупа, то такие единодушные заявления со всех сторон непременно должны убедить правительство в его безусловной необходимости. Спор был довольно оживленный, но я не принимал в нем участия, так как не бывал никогда в деревне и решительно не мог знать условий сельской жизни и судить, насколько мал был надел, данный крестьянам по положению 19 февраля 1861 г.

Вл. Бакст, который был на этом вечере (в первую субботу его не было), поддакивал, соглашаясь с Огаревым, но не вступал сам в эти рассуждения.

Перед закускою, когда этот общий разговор прекратился, я спросил Владимира Бакста о существовании тверского адреса, о котором я читал еще прежде в корреспонденции „Indépendance Belge“, но текста которого не читал; он сказал мне тогда, что если я зайду к нему завтра, то он может дать мне почитать текст его.

Зашедши к нему на другой день, я действительно прочитал у него текст одного адреса, из № „Колокола“ или на отдельном листке напечатанном, не помню в точности, но вернее, что на отдельном листке. По поводу этого адреса он стал сильно нападать на дворянство, говоря, что крестьяне никогда не признавали крепостного права, что в Малороссии они и до сих пор помнят, что свободные их деды были закреплены и что справедливость требует, чтобы крестьянам даром были отданы участки земли приблизительно в том размере, в каком они владели землею до их закрепления, т. е. сколько каждый из них может обрабатывать, и что так как во многих уездах нет столько земли, чтобы удовлетворить всех, то государство должно уделить им землю в малонаселенных губерниях бесплатно. Я соглашался с ним, что такой надел был бы делом крайне полезным, но что закрепление великорусских крестьян совершилось так давно, что те, которые впоследствии купили имения на свой трудом выработанные деньги, решительно тому не причинны, и так как в большинстве случаев мелкопоместные дворяне, которые больше всего были бы разорены такою принудительною мерою, почти все владеют имениями не родовыми и что если в таких местах, как Бессарабская область, где я владею имением, наделение крестьян бесплатно землею не разорило бы помещиков, то справедливость требует, чтобы мелкопоместные помещики были награждены хотя из общегосударственных сумм. На это он сказал мне, что так или иначе, но было бы очень хорошо, если б кто-нибудь, знающий положение этого дела, составил бы адрес к государю, который, покрытый тысячами подписей, был бы потом ему поднесен. На это я говорил ему, что как бы такого рода выкуп ни производился, он, во всяком случае, потребует новых жертв от владеющего сословия, т. е. дворян, и что, следовательно, для того, чтобы он совершился, нужно, чтобы они того захотели, и без их желания ничего серьезного выйти не может, и адрес, не соответствующий их мыслям, нашел бы так мало подписей, что не мог бы служить выражением решительно никакой части общества. Если б дворянство разных губерний воспользовалось своим правом выражать свои нужды, хотя в другой форме, нежели тверское, заявили бы такое свое желание, то я предполагал тогда, по возвращении своем в Россию, принять участие в Бессарабском адресе, если б таковой состоялся.

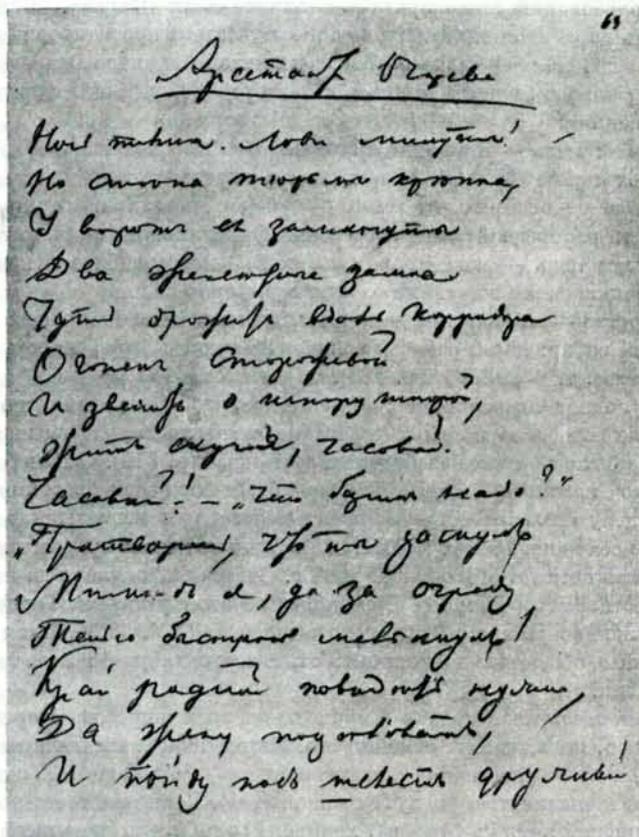
После того я слышал, что в Петербургском дворянском собрании и на публичных лекциях разносили такие адреса, что в Москве являлся к разным литераторам какой-то господин* с предложением подписать адрес, но это было без меня. Слышал также, что И. С. Тургенев был спрашиваем об адресе. Зимой и летом 1863 года читал о разных протестах русских по поводу польского дела. Зимой 1863—1864 г. слышал го Флоренции, что летом 1863 г. из Италии был послан протест некоторых русских, подписанный бывшим гарибальдийским майором Мечниковым. Текст его я читал в „Колоколе“ зимой 1865—1866 г. в Гейдельберге.

В 1863 г. в Берне Владимир Бакст имел как-то разговор со мною об адресе и рассказал мне, что в прошлом году был Огаревым составлен адрес и что он подписал его, но сам теперь в том кается, потому что давно о нем ничего не слышал, и думает потому, что из него ничего не выйдет толку. С тех пор об адресах государю никогда ничего не слышал и таких адресов не подписывал.

* Речь идет об Артуре Бенни (см. о нем в «Лит. наследстве», т. 62, 1955, стр. 23—36).— *Ред.*

Г-на Герцена я с той поры, как видел его в Лондоне, встретил еще раз в бытность мою во Флоренции, в начале 1864 г. *, когда он, возвращаясь из Неаполя вместе с семейством своим, пришел осматривать музей естественных наук и, обозревши коллекции, зашел в кабинет директора, в смежной с которым комнате я тогда занимался. На другой день он выехал из Флоренции, и с тех пор я его не видел <...>

Г-на же Огарева я с тех пор никогда больше не видел» (цит. дело, лл. 359—361). Воспроизведенная часть показаний Стюарта, касающаяся его знакомства и встреч с Герценом и Огаревым, позволяет, несмотря на умолчание о некоторых важных

СПИСОК СТИХОТВОРЕНИЯ ОГАРЕВА «АРЕСТАНТ»
 Был отобран при обыске у студента А. Ф. Ергина в июне 1862 г.

Центральный исторический архив, Москва

сторонах этих встреч и сношений, установить ряд существенных обстоятельств, относящихся к деятельности «Земли и воли» в 1862—1863 гг.

Герцен осенью 1863 г. говорил о Стюарте: «С такими заграничными Брунновыми не далеко уедешь» (XVI, 515), имея в виду возложенные на Стюарта обязанности одного из заграничных представителей «Земли и воли» (напомним, что Бруннов был русским послом в Англии). Об этой миссии Стюарта имеется и документальное свидетельство: в записной книжке агента III Отделения за границей Балашевича-Потоцкого скопирован документ, показывающий, что через Стюарта обращался центральный народный комитет общества «Земля и воля» к заграничным своим представителям (XVI, 95—97). Стюарт, кроме того, участвовал в создании второй «вольной» русской

* Стюарт намеренно передвинул дату этой встречи. Она состоялась в ноябре 1863 г. (XVI, 515).

типографии в Берне; он был тесно связан с выпуском ряда агитационных изданий в 1862—1863 гг., был одним из распорядителей шрифтов типографии и т. д. (см. «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 11—12). Словом, если бы из других источников мы не знали о более близком участии Стурта в делах эмиграции, можно было бы принять приведенное выше подробное его повествование за «откровенное показание». На самом деле он за «подробностями» скрыл главное — подлинный смысл всех своих конспиративных встреч. Он поступил так и по отношению к интересующему нас здесь вопросу об «адресах». Стурт весьма искусно свел в конце концов все свое показание к рассуждениям о «легальном», «законном» праве дворянства выражать свои нужды. Но как раз к тактическому использованию этого права и клонился план Огарева. Используя право дворян подавать царю «всеподданнейшие адреса», Огарев проектировал подачу в конце 1862 — начале 1863 гг. трех «адресов». В упомянутой рукописи Огарева «Заграничные общества», относящейся, как мы считаем, к октябрю 1862 г. *, он говорит об этом в следующих выражениях:

«Теперь цель — привести правительство к созванию Земского собора, на основаниях трех адресов (общего—формального, адреса от меньшинства и адресов от народа), то есть на основаниях, что земли — земское достояние, что управление выборное и что области распределяются по собственному желанию на самостоятельные отделы федерации. Далее цель — если правительство в Земском соборе откажет, то на тех же основаниях произвести восстание со всех периферий разом.

Общее средство — пропаганда всех трех адресов и значения отказа правительства созвать Земский собор: царь, отказывающийся в Земском соборе, не есть земский царь» («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 509).

В конце рукописи Огарев пишет: «Я не думаю, чтоб полякам можно было говорить о плане. Я мало верю в варшавское восстание, тем меньше, что вмешательство Меровского везде было порукою за неуспех» (там же, стр. 510). О намерении польского революционного комитета начать в ближайшем будущем восстание в Варшаве Огареву и Герцену стало известно во время переговоров их с делегатами комитета в Лондоне 25—28 сентября 1862 г. (XXII, 325). Окончательное же решение о дне восстания было принято комитетом в октябре 1862 г. Отвечая 22 октября на письмо И. Цверцкевича, известившего редакцию «Колокола» об этом решении, Герцен писал, имея в виду варшавское восстание: «Итак, дело решено...» (XV, 534). Таким образом документ «Заграничные общества» должен быть отнесен к октябрю 1862 г., точнее говоря, — к началу октября.

Изложенный здесь план подачи и пропаганды трех «адресов» Огарев начал осуществлять, но скоро, повидимому, отменил его. Летом 1862 г. им были написаны тексты *двух первых «адресов»* — по его определению «общего—формального» («конституционного») и «адреса от меньшинства» («в духе социализма»). Черновые тексты обоих «адресов» находятся в записной книжке Огарева, хранящейся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (Г—О. VI, 27, лл. 17—54). Тексты озаглавлены: «Проект адреса № 1» и «Проект адреса № 2». Они имеют единую дату, проставленную в начале рукописи «Проекта № 1», — 19 июня 1862 г. Следующий по времени и по месту расположения текст, внесенный в записную книжку, датирован 3 июля. Следовательно, Огарев работал над проектами двух первых «адресов» с 19 июня по 3 июля 1862 г. Оба «адреса» известны в печати. Их опубликовал Лемке, но с неверным комментарием. Не располагая документом «Заграничные общества», не зная поэтому об огаревском «плане трех адресов», Лемке счит обнаруженные им в записной книжке Огарева тексты за две редакции *одного и того же «адреса»* (XV, 489—493, 499). В действительности, это были два самостоятельных агитационных произведения, предназначенных для распространения на дворянских съездах осенью 1862 г. Исходная ошибка Лемке породила ряд других. Главнейшая из них заключалась в утверждении, что литографирована была «вторая редакция», т. е. «адрес № 2», которую будто бы и распространяли Ливев, Нагель, Веселятский и другие гейдельбержцы. На самом деле лито-

* Дата цитируемой рукописи определена М. В. Нечкиной приблизительно: «Документ, вероятнее всего, возник между мартом и каким-то осенним месяцем 1862 г.» («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 502).

графирована была «первая редакция» (по терминологии Лемке), т. е. «адрес № 1». В «пражской коллекции» сохранился экземпляр этой литографии (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 626). Что же касается «адреса № 2» («второй редакции», по терминологии Лемке) — адреса «в духе социализма», то мы не располагаем никакими документальными данными, которые бы свидетельствовали о том, что и этот документ был налитографирован и распространен, подобно первому.

Подвергнутый допросу в Следственной комиссии Линева показал, что он литографировал «адрес» *вместе* с «письмами Огарева» и что письма эти предназначались для рассылки по России одновременно с «адресом».

Первая часть этого показания вполне соответствовала находившимся в распоряжении следствия документальным материалам. В изъятых при аресте С. Т. Константинова письмах к нему А. П. Линева из Мангейма от 17 августа и 25 сентября 1862 г. также говорилось о литографировании *и* «адреса» и писем. Внешний вид документов не противоречит, а скорее подтверждает одновременность их изготовления. И «адрес» и письма отпечатаны на бумаге одинакового (синего) цвета и размера. Но первая часть следственного показания Линева, внешне вполне убедительная, впадает в одно важное противоречие со второй его частью, с утверждением, что одновременно литографированные письма Огарева предназначались для рассылки *вместе* с «адресом». Достаточно даже поверхностно сопоставить публикуемые письма с «адресом» (XV, 481—485), чтобы увидеть, в чем заключается это противоречие. Конституционное содержание «адреса» («адреса № 1») резко противостало тому адресу «в духе социализма» («адресу № 2»), проект которого Огарев набросал в первом письме к Баксту, и той резкой критике дворянского либерализма, которая содержится во втором письме. Непонятно, как можно было бы *одновременно* рассылать по дворянским собраниям столь различные, хотя и являющиеся звеньями одного плана, документы. Обнаруживаются и другие противоречия. Из приведенных выше показаний Веселитского, а также из переписки Линева следует, что письма к Баксту были присланы Огаревым «одно за другим» в мае 1862 г. Литографировались же они, вместе с «адресом», лишь в конце августа или в начале сентября того же года. Но существует документ, из которого видно, что в конце октября 1862 г. Огарев *остановил* литографирование какого-то «адреса». В письме к Лугинину из Ричмонда от 30 октября 1862 г. Огарев писал: «Откладывая печатание адреса на 6 недель, я уже вскоре пришел к убеждению, что надо отложить на гораздо большее время. Вы знаете, что меня заставило спешить; шансы вполнину склоняются к необходимости воздержания, чему я был глубоко рад, ибо трубная революционная агитация для меня ненавистна; я из нее многое могу сдобировать*, как человек сдобирует град и молнии, но находить прелесть в движениях нерассчитанных, неверных и потому ненужных, для меня противно» (XV, 489).

Печатание какого «адреса» мог отложить Огарев в конце октября 1862 г. сначала на шесть недель, а затем и «на гораздо большее время»? Ведь «адрес № 1» был уже отпечатан. На этот важный вопрос мы не можем дать пока определенного ответа. Очевидно, однако, что приведенные слова не могли относиться к «адресу № 2» — «адресу в нашем смысле», адресу «в духе социализма». Огарев, очевидно, имел в виду «адрес № 1», который, возможно, предполагалось литографировать еще раз, в измененной редакции, которая могла бы более удовлетворить «умеренных», в том числе и И. С. Тургенева, отказавшихся подписать «адрес» в его первоначальной редакции. В том же письме к Лугинину от 30 октября Огарев писал: «Из поправок и вставок — вы увидите, что, может, И. С. <Тургенёв> удовлетворится более» (XV, 489—490). Очевидно, что этих «поправок и вставок» не было в том «адресе», который уже был налитографирован в августе-сентябре.

Несмотря на отмеченные противоречия и неясности, мы вправе сделать вывод, что и публикуемые письма к Баксту, и «адреса №№ 1 и 2», и рукопись «Заграничные общества» — являются документами одного и того же революционно-пропагандистского плана Огарева 1862 г. При этом в письмах к Баксту обсуждались, главным образом,

* выносить (от франц. «subir»).

политические условия проведения подготовки революционного восстания в 1863 г., а в рукописи «Заграничные общества» — условия организационные и военные. Если этот наш вывод правилен, то возникает вопрос, к кому была обращена рукопись «Заграничные общества»?

Мы полагаем, что, как и публикуемые письма к Баксту, рукопись «Заграничные общества» предназначена была служить руководством для деятельности гейдельбергской организации революционеров. Из ряда источников известно, что Герцен и Огарев опирались на эту организацию, в которой имели ряд сторонников.

Огарев придавал гейдельбергской организации, как раз в 1862 г., значение одного из тех зарубежных центров русского революционного движения, о предстоящем объединении которых говорит опубликованная М. В. Нечкиной рукопись «Заграничные общества». Руководители всех запроектированных Огаревым шестнадцати внутри-русских окружных центров «Земли и воли», по его словам, «должны быть друг с другом в постоянных сношениях и в постоянных сношениях с тремя пунктами за границей: Берлин, Гейдельберг и Лондон. Берлин необходим как пункт близкий к границе и удобно сносящийся и с Гейдельбергом и с Лондоном» («Лит. наследство», т. 61, стр. 509. Курсив наш. — Я. Ч.).

Таким образом, в одном из важнейших революционно-конспиративных документов шестидесятых годов Огарев называет Гейдельберг и Лондон чуть ли не на равных началах, как центральные пункты, с которыми должны быть связаны все комитеты и революционные организации в России. С людьми, входившими в состав русской студенческой организации в Гейдельберге, сложившейся в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов, мы уже встречались выше, когда говорили об основателях и членах «читальни». Здесь мы должны дополнительно сообщить некоторые сведения об упоминавшемся выше энергичном деятеле гейдельбергской организации, Александре Логиновиче Линева (1843—1918) — «печатальщике» публикуемых писем Огарева.

Арестованный в мае 1866 г. по делу гейдельбергской читальни и по делу Каракозова, Линева оказался в трудном и опасном положении. Его бумаги, т. е. письма товарищей и друзей, попали в руки следователей. Письма, принадлежавшие ему самому, нашлись у многих других арестованных. Противоправительственная деятельность его стала сразу же в центре следственного дела. Связи Линева с каракозовцем И. А. Худяковым, гейдельбержцем Н. Д. Ножиным, весьма интересным представителем материалистической философии 60-х годов (он умер накануне каракозовского выстрела), переписка с упомянутым выше С. Т. Константиновым, которого Следственная комиссия признала одним из самых опасных и крайних «нигилистов», письма Я. В. Сабурова и других лиц — все говорило о том, что революционная деятельность Линева была разнообразной, а проникнуть в его замыслы все же оказывалось невозможным. Линева избрал метод обороны не из легких. Он объявил свои прежние, за четыре года перед арестом сложившиеся отношения и мнения ошибочными. Давая терпеливые и подробные, большей частью внешне убедительные ответы на бесконечные вопросы следователей, он не уставал разъяснять и подчеркивать, что ныне он так не думает, что лишь тогда, в 1862 г., он разделял мнения «Колокола», а сейчас и во все прошедшие годы он осуждал их, и что Герцен ныне потерял всякую почву — ему уже не сочувствуют ни либеральная, ни консервативная партия в России. Большинству оправдательных показаний Линева Следственная комиссия не поверила и в заключительном всеподданнейшем докладе изобразила его опасным революционером (цит. дело, лл. 368 и сл.). На основании этого доклада Линева был приговорен к ссылке под надзор полиции в Тотму, на пять лет.

Приведем из показаний Линева то, что имеет непосредственное отношение к публикуемым письмам Огарева и литографированному вместе с ними «адресу».

Как мы уже говорили, автором этого «адреса» Линева упорно называл в своих показаниях Герцена, а не Огарева. Версия Линева была не только зафиксирована, но, видимо, и принята Следственной комиссией без какой-либо проверки.

«При допросе, — говорится в одном из докладов, — Линева объяснил, что адрес Герцена и письма Огарева, сколько он припоминает, имели целью соединить интересы дворянства и интересы крестьян, дабы от имени всего народа стремиться к образо-

ванию у нас ограниченного правления» (цит. дело, л. 369 об.). Изображая революционно-пропагандистский план Огарева и содержащуюся в письмах резкую критику буржуазной демократии, конституционализма в качестве проповеди «ограниченного правления», Лиев стремился смягчить свою вину «печатальщика» и распространителя нелегальных агитационных документов. Он показал далее, что, «разделяя в то время высказываемые в нем <адресе> и в письмах Огарева мнения о представительном конституционном правлении, решился распространить их в России, почему, получив этот адрес и письмо от Бакста, он налитографировал их в Мангейме и роздал несколько экземпляров, несколько же экземпляров переслал в Лейпциг к Константинову и экземпляра два отправил к отцу своему в Кострому» (там же, лл. 369 об. — 370).

Без сомнения, Лиев назвал здесь Бакста как лицо, от которого он получил «адрес» и письма, главным образом потому, что Бакст находился в Швейцарии на положении эмигранта и был недосыгаем для царской власти. Как увидим сейчас, показание это соответствовало истине. Лиев действительно получил документы для литографирования от Бакста, которому они были направлены Огаревым как «старшему» в гейдельбергской организации.

В распоряжении Следственной комиссии имелось несколько писем Лиева, написанных из Гейдельберга в Лейпциг и адресованных гому же Константинову, а также ответные письма Константинова. Из этой переписки обратило на себя особое внимание следующее письмо (здесь и далее, вместо отсутствующих подлинников, мы приводим данные, заключающиеся в актах Комиссии о разборе бумаг Лиева и Константинова; лл. 26—28 того же дела):

«Письмо от 6 июля 1862. Говорится о русской либеральной партии (члены которой друзья Герцена) и с читальне гейдельбергской, в которой в известные часы собираются для чтения („Тут есть особая цель, вы молчите в Лейпциге, особенно Фуксам“). Говорится о „Колоколе“, о статье Константинова для какого-то заграничного журнала. Между прочим, написано: „Что же касается до пожаров, то здесь общее мнение, что это сделала консервативная партия для острастки правительства и для того, чтобы остановить гнилые изменения, которые намерено делать правительство“» (в письме упоминаются <П. С.> Мошкалов, Аккерман, <Н. И.> Пирогов, <Н.> Дубровин, <Н. И.> Утин).

В связи с предметом настоящей публикации особый интерес представляют письма Лиева от 17 августа, 25 сентября, 14 октября 1862 г. и без даты. В первом из них, которое следовательно определяет как «письмо все противозаконного содержания», «говорится о каком-то революционном адресе, литографировании письма Огарева, берлинской кассе и читальне. Есть выражения, оскорбительные против правительства и особы его величества».

В письме от 25 сентября 1862 г. речь идет о присылке Константинову 20 экземпляров литографированного письма Огарева и о Katzenmusik, т. е. «о кошачьем концерте», устроенном студентами под окнами приехавшего в Гейдельберг министра просвещения Е. В. Путьягина. Следователь приводит подлинные выражения из этого письма: «Оно, пожалуй, увлекает заниматься пропагандой, не чувствуешь, что для этого нужно быть гораздо более подготовленным, дабы эта роль политического деятеля не испортила себя» и «в России что-то глухо молчат».

В письме от 14 октября 1862 г., в котором говорится о преобразовании русской студенческой читальни в Гейдельберге, внимание следователя привлекли строки: «Цель прежней читальни была выработка, осмысление тех же „либеральных идей“, возможно распространение их между приезжающими молодыми людьми. Завели ее несколько действительно развитых людей, принадлежащих к партии так называемых „красных“».

«Из письма видно,— заключает следователь,— что Лиев принадлежит к этим „красным“ и что „голова“ читальни — <В. И.> Бакст».

Наконец, из недатированного письма, написанного, повидимому, в сентябре же или начале октября 1862 г., следователь приводит такой отрывок:

«Последнее время хлопотал о пропаганде адреса в России; этот адрес я посылаю вам с тем, чтобы, списавши его, вы переслали в Россию для распространения по

помещикам на дворянских собраниях, а также писем Огарева к одному из членов читальни (нашему „голове“). Это вам покажет прямо, как поступать далее, а собственное искусство покажет способ пропагандирования). Этот отрывок особенно интересен, так как в нем прямо сообщается, что «письма» Огарева были обращены к «голове» гейдельбергской читальни, т. е. к В. И. Баксту.

Из того же письма следователь приводит также следующее место: «Цель пропаганды, по вашему выражению, сманить серединых на свою сторону, встать в полезительном антагонизме с правительством и, исполнивши волю народа, т. е. отдавши землю в потомственное владение земства, встать на стороне народа, который бы, наконец, уразумел, что петербургское правительство только смердит в атмосфере и тормозит только, на время, неминуемую революцию» (цит. дело, л. 27).

Помимо приведенных отрывков из переписки Линева, в деле имеется несколько других, еще более резких, в частности, отражающих глубокую солидарность С. Т. Константинова и Линева с Чернышевским; как относящиеся к более позднему периоду (1864 г.), они оставлены нами в настоящей публикации без рассмотрения.

Итак, Следственная комиссия располагала достаточными документальными доказательствами особенной активности Линева в качестве пропагандиста революционных идей.

Но главные улики — литографированные Линевым «адрес» и письма Огарева — остались, как мы знаем, неизвестными Следственной комиссии и не были предъявлены обвиняемому, хотя экземпляр «писем» находился тогда в распоряжении властей. Почти девяносто лет пролежали эти документы в архиве III Отделения и лишь ныне становятся известными исследователям.

Публикуемые письма представляют, несомненно, значительный интерес. Как мы стремились показать, они существенно дополняют имевшиеся в литературе сведения о том плане революционной пропаганды, который был разработан Огаревым весной 1862 г. и к осуществлению которого он привлек ряд участников гейдельбергского центра.

Не менее важное значение имеют новые документы для определения отношения Огарева к дворянскому либерализму. Это отношение уясняется из сравнения политических позиций Огарева, с одной стороны, и авторов известного «адреса» тверского дворянства, с другой. Тверское дворянство в своем «адресе» 1862 г., о котором идет речь в письмах Огарева, настаивало, между прочим, на «полном слиянии» сословий, которое положило бы конец их «антагонизму». Огарев положительно относится к этому «движению тверского дворянства к бессословности», так как это, по его мнению, «первая попытка меньшинства, которая находит сочувствие в народе». Однако Огарев и авторы «тверского адреса» вкладывали совершенно различное содержание в понятие «бессословности». В представлении Унковского и его единомышленников «полное слияние» сословий сводилось к установлению формального равенства всех граждан перед законом. Огарев же расширял вопрос о «бессословности» до требования ликвидации не только дворянско-помещичьего, но всякого частнособственнического землевладения. Отказ дворянства от своих сословных прав и преимуществ, даже передача земли крестьянским общинам, — не являются, по мнению Огарева, «бессословностью». «...Не в общине — великороссийское дело, — заявляет Огарев, — а дело в безнаследственности народной поземельной собственности — общинной в Великороссии — и в безнаследственной поземельной собственности, как скоро она превышает размеры сельского, земского пая». В этом суть позиций Огарева, в корне отличающей его от тверских либералов, стремившихся к укреплению, а не к ликвидации частной поземельной собственности. Огарев же выступает не только против землевладельческой аристократии, но и против землевладельческой буржуазии, а она, по его словам, «неминуемс выпрет» при сохранении права наследования собственности на землю.

Так обнаруживается коренное расхождение между утопическим социалистом и революционером Огаревым, с одной стороны, и земскими либералами, с другой. Публикуемые письма, в которых разоблачение либерализма звучит с большой силой, являются новыми ценными документами для характеристики политических взглядов Огарева, а также и Герцена (см. его приписку к «первому письму»).

Письмо писаво Огарева

Дело не удалось... Внимательнее и больше...

Куда... Внимательнее... Внимательнее... Внимательнее...

и умышленно... Внимательнее... Внимательнее... Внимательнее...

Внимательнее... Внимательнее... Внимательнее... Внимательнее...

ПЕРВОЕ ПИСЬМО ОГАРЕВА *

⟨Лондон. Май 1862 г.⟩¹

Долго мы думали над вашим письмом², и вот я прямо приступаю к изложению обстоятельств и того результата, который из них выводится, по моему мнению, с неопровержимой ясностью.

Народ верит в царя, верит не только в Великороссии, но и в Малороссии, и в Литве; верит потому, что не верит панству и дворянству. Это факт, спорить против которого значило бы зажимывать глаза, чтобы не видеть правды. Стало, все мы, как люди фрачные, к несчастию, и потому в глазах народа принадлежащие к панству, не имеем в народе почвы. Прежде всякого протеста надо приобрести эту почву, надо приобрести право гражданства в народе. Иначе мы своими протестами успеем только разыграть роль людей, мешающих царю освободить народ, и резня обратится на нас во имя самодержавия. На это сведутся всякие попытки конституционных протестов. Если правительство даст боярскую конституцию — это другого рода дело: тогда оно бросится в объятия дворянства и поможет нам получить права гражданства в народе. Но протестами мы дальше не уйдем, как ⟨до⟩ возбуждения в народе недоверия к нам, а не к самодержавию. Первая попытка меньшинства, которая находит сочувствие в народе, у тех немногих из него, до которых о ней доходит слух (а слух о том распространен до чрезвычайности мало), это — движение тверского дворянства к бессословности. Это опять факт, в достоверности которого мы вам ручаемся. Мысль о Земской думе, требуемая тверским дворянством³, от народа еще далека, она подлежит пропаганде, ставить ее в адреса теперь было бы еще без корня в народе. Чему именно сочувствует народ — это движению дворянства к бессословности. Следовательно, сила обстоятельств показывает вам, что теперь программу тверского дворянства надо сузить на единый вопрос бессословности, т. е. для адреса, а остальные задачи пустить пока только в пропаганду. Следовательно, адрес, требующий бессословности, имеет нужду в подписях ** дворянских и духовно-светских, т. е. чиновников из духовного звания. Тем легче — знаешь, где их собирать. Если найдутся тысячи дворянских подписей и факт подачи адреса распространится по народу, то это единственный путь, который даст целому меньшинству права гражданства в народе, а следовательно, почву для протестов, уже общих с народом ***. Потом он расчислит поле и вам самим поможет отделить овец от козлиц, искренних общинников с народом от дворянчиков, ищущих немножко свободы с сохранением поземельных прав и дворянской власти. При таком адресе тотчас откажется от подписей все либерально-панское, дворянски-буржуазное, под какой бы формой оно ни скрывалось (конституционализма, введения суда присяжных и т. д. и т. д.) — словом, козлицы отойдут и могут производить свое движение, которому мы не мешаем, тем более, что, не имея почвы, оно тщетно — мы ему сочувствовать не можем. Не пугайтесь, что нумерически людей поубавится, — зато останется искренняя когорта, которая заслужит права гражданства и точку опоры на народной почве. Адрес в нашем смысле формулировал я бы так ****: «Вашеде величество! Мы по чистой совести и здравому разуму дойдя до убеждения, что русская земля принадлежит народу, что она земля земская,

* Заголовок литографированной копии. — *Ред.*

** *Текст:* программу тверского дворянства ~ в подписях — *подчеркнуто красным карандашом.* — *Ред.*

*** *Текст:* Если найдутся тысячи ~ общих с народом — *подчеркнуто красным карандашом.* — *Ред.*

**** *Текст:* Адрес ~ бы так — *подчеркнуто красным карандашом, а следующий далее текст адреса, до конца, отчеркнуто на полях вертикальной чертой.*

а не помещичья, отказываемся от земли в пользу сел и деревень, в которых хотим сохранить только свой земельный пай наравне со всем крестьянством, и потому отказываемся от всех дворянских сословных прав, желая чтобы все те личные права, кроме земельной собственности, от которой отрезаемся, были предоставлены всему крестьянству, с нами больше нераздельному. Вследствие этого просим повсеместного уничтожения телесных наказаний и учреждения общих бессословных выборов судебных и административных властей. За наш добровольный переход и уступку земель в единое земство мы хотим только денежного вознаграждения, которое было бы нам выдано билетами, уплачиваемыми в известное число лет годовыми взносами из общих государственных податей. Число лет платежа и размер вознаграждения мы предоставляем на суд всего земства и на решение по оному Ваше величество, мы вполне убеждены, что земство даст нам вознаграждение охотно, потому что хотя и нельзя юридически, по совести доказывать необходимость оно, но польза очевидна, ибо даст нам способ и помимо земледелия вести вперед русскую фабричную, заводскую и торговую промышленность, русскую науку и грамотность. За сим и пр.».

Я не форму набело вам даю, а только содержание. Тут *sta, viator* *, больше ни единой просьбы не прибавлять. В год, в два все, сколько есть налицо согласных с этой программой, окажутся, и получающие права гражданства и почву в народе сочтут свои силы. До тех пор наши протесты будут бессильны, получают плевки сверху и толчки снизу, а при соображении такого адреса правительство или согласится с бессословностью или само **...

В силу тех же соображений я думаю, что распространение кружков за границу, сверх количества людей, нужных для агентуры, для комиссионерства, для телеграфа, было бы вредным отвлечением местных сил, тем более вредным, что люди думали бы, что делают дело, а в сущности, продолжали бы только несчастный разрыв с народом, уединенность образованного сословия, ту беспочвенность, которая даже самую петербургомосковскую литературную деятельность сводит вместо дела на какую-то более или менее кабацкую дрязгу⁴.

Страстно желаю, чтобы вы были с нами согласны, ибо глубоко убежден, что другого пути нет.

Приписка Герцена:

Конечно, тут сказано только общее, а детали ускользают. Прежде чем Огарев написал вам это письмо, мы долго говорили с ним и пришли к тому убеждению, которое он передал вам. Я, стало быть, совершенно с ним согласен.

¹ Дата первого письма — май 1862 г. — устанавливается по упоминанию в тексте о требовании тверского дворянства созвать Земскую думу. Здесь имеется в виду адрес тверского дворянства, принятый на чрезвычайном дворянском собрании 2 февраля 1862 г. Адрес стал известен в Лондоне в начале марта и 22 марта был обнародован Герценом и Огаревым в «Колоколе» (л. 126). Вопрос о созыве Земской думы освещался в статьях Огарева в «Колоколе» в лл. 132—134 с 8 по 22 мая 1862 г.

² Письмо, на которое отвечает Огарев, неизвестно.

³ Под влиянием тверских дворян требование Земской думы было выставлено также в выпущенной в Петербурге прокламации, датированной апрелем 1862 г. Прокламация извещала об образовании партии под тем же названием и кратко излагала умеренную «конституционную» программу реформ.

⁴ Огарев писал о том же и в тех же выражениях («дрязга», «кабацкая литература») в письмах: к Н. В. Альбертини — от 11 мая 1862 г. и к Н. А. Серно-Соловьевичу — от 8/20 июня 1862 г. (см. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 890 и 891).

* остановка; буквально — остановись, путник (лат.).

** Так в подлиннике. — *Ред.*

ВТОРОЕ ПИСЬМО ОГАРЕВА *

〈Лондон. Май — начало июня 1862 г.〉[†]

Вы видите, что я был прав, что отделение козлиц необходимо²; иначе вы рискуете попасть в ошибку того воеводы, который бы считал войско следующим образом: «Наших 10 т(ысяч) да у врагов 10 т(ысяч), итого у нас 20 тысяч». Затем приходится повторять сказанное. Всякий дворянский адрес, просящий созвания Земской думы, метящий на землевладельческое особое сословие, хотя и на дворянское, будет народом не принят и не признан, а правительство всегда может выставить в глазах народа как попытку ограничить самодержавие в ущерб народному владению. Адрес о созвании земства удастся только тогда, когда его потребует земство или народ. Это до такой степени верно, что инстинкт этой правды двинул меньшинство дворянства к мысли о бессословности и сближении с народом. Что же такое значит бессословность и каким путем сблизиться с народом?

Неужели равенство перед законом значит бессословность? В таком случае Европа представляла бы бессословность, а она представляет чрезвычайно резкие сословности, а равенство сводится только на формальное, т. е. призрачное равенство пред законом уголовным. Неужели вы думаете, что создание землевладельческой буржуазии будет принято народом за бессословность и что земство подпишется под адресом землевладельческой буржуазии? Русский мужик слишком реалист, чтобы поддаваться такому фантастическому движению верхушек (как он технически называет так называемые образованные классы)³; не в общине — великороссийское дело, а дело в безнаследственности народной поземельной собственности — общинной в Великороссии — и в безнаследственной поземельной собственности, как скоро она превышает размеры сельского, земского пая. Все, что русско-славянский смысл и действительная бессословность могут допустить, — это временный срочный наем лицам ненаселенных народных земель, пока они под население не потребуются, пока великороссийская община не нуждается в выселке, а малороссийская — в новых отдельных наделах. Поземельное владение, поземельное пользование — единственное экономическое основание, на котором бессословность может вырасти; иначе земельная собственность неминуемо выпрет в землевладельческую аристократию или землевладельческую буржуазию. Следовательно, вопрос о бессословности сводится на вопрос о собственности, превышающей размер сельского, поземельного пая. Народ до такой степени имеет сознание этого принципа, что считает всю землю своею, и толковал в начале появления манифеста 19 февраля о том, останутся ли у господ господские усадьбы или нет.

Стало, если признание бессословности — единственный путь к сближению с народом, то отрицание безнаследственности земельной собственности и стремление к созданию землевладельческой буржуазии будут неодолимым препятствием к сближению с народом и к вызову в нем согласия на требование Земской думы. Поэтому оставьте для искренней когорты, для истинной дружины право на отдельный адрес о бессословности во имя земской земли, а остальным не мешайте действовать, как они хотят. Мало ли у них найдется коноводов: князь Петр Влад. Долгоруков, может и сам министр Головнин^{**4}. Искренняя дружина им ни мешать, ни помогать не может; она должна идти своей дорогой к действительному сближению с народом и только пользоваться для своего дви-

* Заголовок литографированной копии. — *Ред.*

** *Текст:* Мало ли у них ~ министр Головнин — *подчеркнуто красным карандашом.*

жения всеми другими, для нее посторонними, движениями. Нумерическое число важно, об этом я не спорю, но вы сами знаете, что складывать можно только однородные предметы и что сумма только тогда и представит силу, когда она сосредоточивает свои данные, а не тогда, когда берет смесь разнородных противоречащих элементов.

¹ Дата второго письма может быть установлена лишь приблизительно — май—начало июня 1862 г., поскольку один из арестованных в 1866 г. участников гейдельбергской читальни показал, что Огаревым, в ответ на письмо Бакста, были присланы «одно за другим два письма».

² Под «отделением *козлиц*» Огарев имеет в виду отмежевание от либеральных элементов, в сущности являвшихся врагами революционного движения, а не его союзниками. Что имеет в виду Огарев, указывая на своевременность своего предупреждения, трудно сказать; возможно, что начавшуюся в мае 1832 г. травлю Герцена в русской легальной печати, сразу же поддержанную либералами.

³ Упоминание о «технически» применяемом народом к «образованным классам» ироническом названии «верхушки» свидетельствует о близости Огарева к П. А. Мартьянову, который писал о том же в своей брошюре «Народ и государство».

⁴ Огарев вполне правильно сближает здесь позиции эмигранта П. В. Долгорукова, объявившего себя сторонником «конституции», с позицией А. В. Головинина, министра народного просвещения, сподвижника П. А. Валуева, вынапивавшего втайне, в тиши министерских кабинетов, проект олигархической «конституции».

ОГАРЕВ—В. Н. КАШПЕРОВУ

Публикация Е. И. Канн-Новиковой

Публикуемое письмо Огарева от 15 ноября 1862 г. обращено к близкому его приятелю, композитору и музыкальному деятелю Владимиру Никитичу *Кашперову* (характеристику В. Н. Кашперова и его взаимоотношений с Огаревым см. в нашей публикации, напечатанной в «Лит. наследстве», т. 62, 1955, стр. 149—150).

В начале шестидесятых годов Огарев отнесся с особым интересом к проблемам русского поэтического и музыкального фольклора. Несомненно, что влияние Огарева и Герцена во многом способствовало развитию нового, революционно-демократического направления русской фольклористики. Одним из горячих сторонников этого направления являлся упоминаемый в письме Огарева известный собиратель народных песен П. И. Якушкин. По почину Якушкина и его идейных единомышленников, изучение и собиране народного творчества в России все более сближается с изучением жизни народа, с проникновением в его духовный мир, в историю его освободительной борьбы.

В прямую связь с этим действенным отношением к народному творчеству следует поставить и стремление Огарева использовать народную песню в агитационных целях.

В шестидесятых годах активизируется издательская деятельность Огарева и Герцена. Именно в это время ими широко пропагандируются и революционные песни. В этом отношении они опирались на опыт поэтов-декабристов, приспособлявших, как известно, антиправительственные сатирические тексты к наиболее популярным бытовым напевам. Этот метод стал руководящим и для Огарева. Публикация новых революционных текстов песен, как правило, сопровождалась указанием «голосов» (то есть мелодий), на которые они должны распеваться. Чаще всего для этих целей пользовались народными напевами. С начала шестидесятых годов в периодических изданиях Герцена и Огарева и в песенных сборниках, составленных при их участии, появляются революционные стихи Огарева: «на голос» песни «Среди долины ровные» в «Колоколе» 1862 г. публикуется отрывок из поэмы Огарева, посвященной ссыльному поэту М. Л. Михайлову; на мотив излюбленной в народе «разинской» песни «Вниз по матушке, по Волге» в том же 1862 г. печатается в «Полярной звезде» отрывок из поэмы Огарева «Забутье» («Из-за матушки за Волги, со широкого раздолья»).

Помимо народных мелодий, на которые делались указания в нелегальных песенных сборниках, Огарев привлекал и классические музыкальные произведения, осо-